

ИСТОЧНИКИ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СМЕХЕ ЗОРОАСТРА
И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ IV ЭКЛОГИ ВЕРГИЛИЯ

Знаменитая IV эклога Вергилия, и в особенности ее главный герой, «отпрыск богов» и «питомец Юпитера», уже в древности вызывали различные толкования.¹ Начиная с эпохи Возрождения и на протяжении всего нового времени многие поколения ученых посвящали ей специальные исследования, пытаясь отыскать источники вергилиевского прощества о «золотом веке» и понять природу ее главного героя. Но если на эти вопросы современная наука дает более или менее удовлетворительный ответ,² то загадка заключительных стихов эклоги до сих пор остается нерешенной:

*Incipe, parve puer, risu cognoscere matrem:
Matri longa decem tulerunt fastidia menses;
Incipe, parve puer. Cui non risere parentes,
Non deus hunc mensa, dea nec dignata cubili est.*

(Verg., Buc., IV, 60—63)

‘Начни, маленький мальчик, узнавать мать улыбкой:
Десять месяцев принесли матери много неприятностей;
Начни, маленький мальчик. Кому не улыбались родители,
Того ни бог столом, ни богиня ложем не почтили’.

Эти строки ставят перед исследователями две проблемы:
1) призывает ли Вергилий младенца улыбнуться уже в момент рождения или в какой-либо другой момент жизни и
2) что должна означать эта улыбка?

Ответить на эти вопросы пытались уже самые первые комментаторы поэта. Сервий полагал, что здесь речь идет о сыне Азиния Поллиона Салонине: он засмеялся вскоре после рождения, и это было дурным предзнаменованием, ибо он почти тотчас умер.³ С этим толкованием трудно согласиться, поскольку побуждение к смеху со стороны поэта выглядело бы в таком случае просто кошунственным. К тому же толкование Сервия вообще не согласуется с общим

оптимистическим тоном произведения, воспевающего необычного ребенка, «богов дорогого отпрыска» (*saeta deum suboles*). О том, что ребенок, описанный Вергилием, исключителен и что именно ранний смех должен служить свидетельством этому, заговорили более поздние комментаторы-гуманисты: так, Кристофоро Ландино назвал смех младенца предвестником его будущих доблестей, как это было, по рассказам, у Зороастра, который засмеялся в тот же день, что и родился.⁴ К такой же интерпретации финальных стихов эклоги пришли и некоторые современные исследователи,⁵ которые, как и Кристофоро Ландино, опирались на свидетельство Плиния (Plin. N.H. VII, 15(72)). Однако, поскольку в самом тексте эклоги нет прямых указаний на связь с Зороастром, а также ввиду существования множества других толкований, правомерность сравнения героя Вергилия с Зороастром и вытекающие из него выводы требуют специального доказательства.

С этой целью целесообразно проследить историю мотива смеха ребенка в момент рождения и установить, с каким комплексом представлений он связан.

Чудесные обстоятельства и разного рода необычайные явления, сопровождающие рождение божества, культурного героя, святого, сверхъестественно одаренного человека или предшествующие ему, — довольно распространенный фольклорный мотив,⁶ представленный в литературах разных народов. Особенно часто он встречается в памятниках народной литературы, генетически связанной с фольклором, в частности, в немногих сохранившихся образцах ареталогического жанра. Так, в момент рождения Аполлония Тианского лебеди поют хором вокруг его матери, а молния, не успев достигнуть земли, возвращается на небо, возвестив таким образом будущую близость Аполлония к богам (Philostr., V.A. I,5). Появление на свет будущего «властилина мира» Александра Македонского в описании Псевдокаллисфена сопровождается ударами грома и вспышками молний, как будто вся Вселенная пришла в движение ([Callisth.], β, I,12). Евангелист Лука рассказывает о том, как Иоанн Креститель взвыл во чреве Елисаветы, услышав привет-

ствии Марии, обращенное к его матери (Ev. Luc., I,41). В одном из памятников древнерусской житийной литературы повествуется о том, как Сергей Радонежский трижды прокричал еще во чреве матери, когда она, находясь в церкви, слушала литургию, а после рождения он отказывался по средам и пятницам сосать молоко. Святой же Николай Чудотворец, когда начали омывать его после рождения, внезапно встал на ноги и стоял так полтора часа.⁷

Похожие мотивы есть и в африканском фольклоре: в сказке «Хлаканыяна» («Маленький хитрец») ребенок говорит в утробе матери: «Мать, рожай меня скорее: скот моего отца уничтожают»; вскоре после рождения он превращается во взрослого мужчину, хитрого и ловкого.⁸ Маленький хитрец из африканской сказки напоминает младенца Гермеса, который, едва родившись, крадет у Аполлона его коров, а в ловкости он не уступает другому персонажу греческого фольклора — маленькому Гераклу, удушающему змей в своей колыбели.

Чудесный характер носит и рождение иранского бога Митры, который появился на свет из скалы (Θεός ἐκ πέτρας), когда молния сошла с небесной тверди.⁹

Среди приведенных выше примеров легенда о рождении Зороастра занимает особое место, как самая яркая и оригинальная: он, единственный из всех людей, смеялся,¹⁰ а не кричал в момент рождения, а его мозг при этом так пульсировал, что отталкивал наложенную руку, как бы в предсказание будущей мудрости. Так описывает это событие Плиний (Plin. N.H. VII, 15(72)). Такой же парадоксографический характер носит рассказ Солина: «Первым звуком рождающихся является крик, ибо чувство радости откладывается на сороковой день. Так, мы знаем одного человека, который засмеялся в тот же день, что и родился, а именно Зороастра, вскоре опытейшего в лучших искусствах». Итак, по распространенному у античных физиологов представлению, обычно младенец начинает улыбаться и узнавать мать на сороковой день жизни,¹¹ поэтому смех в момент рождения должен был служить признаком исключительности ребенка Зороастра.

Иной оттенок носит аналогичное свидетельство у Августина (De civ. D., XXI, 14): «Младенчество же, поскольку не смехом, а криком открывает этот мир, некоторым образом предвещает неизвестно какое из зол. Говорят, один Зороастр смеялся, когда родился, но и ему ничего хорошего этот странный смех не предвещал. Ведь считается, что он был изобретателем магических искусств, которые, однако, не смогли быть ему полезны даже для суетного счастья этой жизни, в борьбе с врагами: будучи сам царем бактрийцев, он был побежден в войне ассирийским царем Нином».

Теперь попытаемся понять, каким образом проникла в античную традицию эта легенда. Предположим, что она берет свое начало из фольклора, как и другие свидетельства необычайного рождения. Однако в отличие от них легенда о смехе ребенка в момент рождения не зафиксирована в «Индексе фольклорных мотивов» С.Томпсона. В таком случае естественнее всего предположить, что это свидетельство, как и некоторые другие, персидского происхождения. Действительно, в персидской литературе рождение и раннее детство будущего пророка окутано множеством легенд, однако непосредственный их источник — «Спенд-Наск» Авесты, — к сожалению, утерян; его содержание пересказывается лишь в пехлевийской (среднеперсидской) литературе.¹² Так, в сочинении «Динкард» повествуется, как злые духи пытались предотвратить появление на свет посланца Ахура-Мазды, как божественный свет наполнил дом, где родился чудесный младенец; с особым восхищением описывается громкий смех, с которым ребенок вступил в этот мир (Dink., 8.14.2; 9.24.1—10; 7.3.2,25; 5.2.5.), а также говорится о стихотворении, прочитанном Зороастром в момент рождения (Dink. 9.24.4.).

Зороастриец Бахрам бен Пажду в «Книге Заратуштры» называет смех Зороастра первым его чудом и посвящает ему целую главу.¹³ А в среднеперсидском сочинении «Зат-Спарам» смех Зороастра объясняется тем, что ангел Воху-Мана соединился с разумом ребенка (Zat-Sparam, 14.12).

Итак, в иранской традиции легенда о смехе будущего пророка широко представлена. Смысл ее хорошо объясняет М. Бойс: «Предание о смехе Зороастра, вместо плача, —

вполне подходящая традиция о пророке, который учил, что смех и радость принадлежат Богу, а слезы и печаль — дьяволу». ¹⁴ Однако ни М. Бойс, ни другие исследователи зороастризма ничего не говорят о происхождении этого мотива, а когда дело касается его датировки, иранисты ссылаются на Плиния. ¹⁵ Таким образом, поиски истоков этого интересного свидетельства вернули нас в античную традицию.

Об источниках плиниевского пассажа (N.H. VII, 15(72)), относимого самим автором к «Историям о младенцах» (*Historica circa infantes*), ничего не известно. ¹⁶ Зато известно происхождение пассажа, следующего непосредственно за *Historica circa infantes* и названного Плинием *Magnitudinum exempla* (N.H. VII, 16(73—74)). Ф. Мюнцер полагает, что его источником является Варрон. ¹⁷ Доказательство своей гипотезы Ф. Мюнцер строит на основании сходства этого пассажа Плиния (N.H. VII, 16(73—74)) и фрагмента из I книги Варрона *Hebdomades vel de imaginibus*, цитируемого Авлом Геллием (Aul. Gell. III, 10,10). Но если *Magnitudinum exempla* заимствованы у Варрона, можно предположить, что и *Historica circa infantes* восходят к нему же. Вероятность этой гипотезы возрастает, если учесть, что Варрон был одним из самых авторитетных писателей не только для Плиния, но и для Августина, и сочинения этого ученого-энциклопедиста послужили одним из источников трактата Августина «О граде Божиим». Возможно, что и сведения об ассирийском царе Нине Августин нашел именно у Варрона, о чем свидетельствует следующий отрывок:

«Итак, Нин был уже вторым царем ассирийцев... когда в земле халдеев родился Авраам. В то же время существовало царство сикионцев, весьма незначительное, с которого, как с древнего времени, начал знаменитый и ученейший во всем Марк Варрон, описывая происхождение римского народа. А от этих царей сикионцев он перешел к афинским, от них — к латинским, затем к римским. Однако до основания Рима эти ничтожные царства упоминаются для сравнения с царством ассирийцев» (August., *De civ. D.*, XVIII, 2).

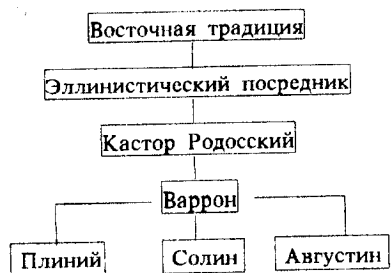
Сведения о Нине в трактате «О граде Божиим» интересуют нас постольку, поскольку вслед за упоминанием о смехе Зороастра Августин рассказывает о победе, которую одержал над ним Нин. И, если сведения о Нине восходят к Варрону, становится весьма вероятным, что и в основе рассказа о смехе Зороастра лежит тот же источник.

Если же и Плиний, и Августин заимствовали у Варрона сведения о Зороастре, естественным образом возникает вопрос о происхождении сведений самого Варрона, касающихся восточных царей и в том числе мнимого бактрийского царя Зороастра.

Г. Дальман ¹⁸ пишет, что важнейшим источником Варрона были Хроники Кастора Родосского, в которых последний изложил восточную, греческую и римскую историю вплоть до своего времени; она заканчивается 61—60 годами, а начало ее восходит, в отличие от предшествующих греческих хроник, не к Троянской войне, а к еще более раннему времени правления Нина над ассирийцами и Эгиалея над сикионцами; сочинения римских хронографов Корнелия Непота и Аттика, предшественников Варрона, не имели подобной исходной точки, значит, Варрон обращался не к ним, а именно к Кастору, у которого он полностью заимствовал последовательность царей в списке. ¹⁹

Косвенным доказательством знакомства Варрона с сочинениями Кастора служит цитируемый Августином пассаж из трактата *De gente populi Romani*, в котором сам Варрон ссылается на Кастора как на свой источник (*August., De civ. D.*, XXI, 8).

Что касается сведений самого Кастора о восточных народах и, возможно, о Зороастре, они, по-видимому, через посредство какого-то эллинистического автора восходят к восточной традиции. Но, вследствие того что зороастрийские священные тексты вплоть до VI в. н.э. бытовали в устной форме, ²⁰ едва ли удастся найти непосредственный источник этого предания. А пока историю его проникновения в античность можно представить так:

Проследив внешнюю историю этого мотива, попробуем понять, с каким комплексом представлений он связан.

Значению смеха в фольклоре посвящено много исследований,²¹ из которых вытекает, что смех символизирует жизненное начало, является атрибутом самой жизни, антиподом смерти. Он не только сопровождает вступление в жизнь,²² но и вызывает его.²³ Этот круг представлений помогает объяснению предания о смехе Зороастра: этот смех символизирует приход в мир светлого начала, заключенного в образе будущего пророка, который возвещает конечную победу добра над злом и установление Царства Справедливости. Но ведь тот же смысл заключен и в рождении божественного младенца IV эклоги,²⁴ а значит, одинаковый комплекс идей сближает героя Вергилия и смеющегося Зороастра. Но это еще не дает ответа на вопрос, смеялся ли герой эклоги в момент рождения.

С. Рейнак отвечает на этот вопрос отрицательно.²⁵ Аргументом для него служит стих 61: *Matri longa decem tulerunt fastidia menses*. Если речь идет о моменте рождения, почему *decem*, а не *novem menses*? — спрашивает С. Рейнак, и пытается объяснить это обстоятельство тем, что Вергилий, опираясь на Варрона (*sic!*), полагал, будто феномен смеха появляется у ребенка на сороковой день после рождения, что вместе с 9 месяцами беременности и составляет эти 10 месяцев «неприятностей». В аргументации С. Рейнака есть, на наш взгляд, два слабых места. Во-первых, 9 месяцев беременности и 40 дней после рождения в сумме составляют больше десяти месяцев; для этого числа (*decem menses*) существует гораздо более простое объяснение, которое следовало искать у Гиппократов и других древних врачей:

нормальным сроком беременности как в древности, так и сейчас считается 280 дней,²⁶ и дети, родившиеся в этот срок, называются *δεκάμηνοι* (*Hippocr. περί ὀκταμήνου*, 10).²⁷ Во-вторых, если бы речь действительно шла о сороковом дне жизни ребенка, в который, по общему для обычных людей закону, у детей появляется чувство радости (*Lydus, De mens. IV, 21; Solin. I, 72*), заключительные слова эклоги приобрели бы слишком тривиальный — для сочинения такого рода — смысл: 40 дней проходят от рождения до первой улыбки у обычных людей, но ведь герой эклоги, как и Зороастр, необычный ребенок, *causa deum suboles, magnum Iovis incrementum* (*Verg. Buc. IV, 49*). Поэтому нам представляется, что призыв Вергилия начать узнавать мать улыбкой адресован новорожденному, а не 40-дневному младенцу: по замыслу автора, улыбка мальчика должна быть наградой за страдания матери.

Однако толкование С. Рейнака содержит одно интересное замечание: Вергилий получил сведения о феномене смеха у детей из Варрона.²⁸ Но ведь, по нашей гипотезе, именно к Варрону восходит плиниевский пассаж о смехе Зороастра; в таком случае возможно, что и рассуждение о появлении феномена смеха, и замечание о смехе Зороастра объединялись у Варрона по принципу «правило и исключение из него», как в цитированном выше отрывке из Солина (*Solin. I, 72*). Тогда, быть может, именно смеющийся Зороастр вдохновил Вергилия на финальные стихи IV эклоги.

Итак, сопоставление героя Вергилия и смеющегося Зороастра представляется абсолютно правомерным: это «божественные» младенцы, предрекающие или даже являющие собой начало новой эпохи;²⁹ в отличие от обычных людей они смеются в самый момент рождения и этим обнаруживают свою сверхъестественную природу. Возможно, и стихи Вергилия, и свидетельство о смехе Зороастра восходят к общему источнику; по крайней мере, их объединяет общая идея исключительности ребенка, который, смеясь, входит в этот мир, и связанное с этим событием ощущение радости.

Примечания

¹ Машкин Н. А. Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т.3, № 5. С.451—452.

² См. обзор мнений по данным вопросам в кн.: Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч.1. Новосибирск, 1992. С.87—97.

³ Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Rec. G. Thilo et H. Hagen. Vol.1—3. Lipsiae, 1902. Vol.3, fasc.1. P.44.

⁴ Pascucci G. I versi finali della IV ecloga di Vergilio nell'interpretazione degli umanisti // Tradizione classica e letteratura umanistica. Per Alessandro Perosa. Roma, 1985. P.513. — К. Ландино утверждает, будто то же самое рассказывали и о Сократе, но источник этого замечания гуманиста, по словам Дж.Паскуччи, неизвестен (ibid. P.514).

⁵ Norden E. Die Geburt des Kindes. Leipzig; Berlin, 1924. S.65—66; Carcopino J. Virgile et le mystère de la IV églogue. Paris, 1943. P.95.

⁶ Thompson St. Motiv-Index of Folk-Literature: In 6 vols. Bloomington (Indiana), 1955—1958. Vol.1. 1955. P.116 (A 511); Vol.3. 1956. P.245 (F 960.1); Vol.5. 1958. P.61 (M 364.7). P.63 (M 369.7). P.396 (T 540 ff). P.455 (V 222.0.1).

⁷ Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века / Под ред. П. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1981. С.271—273; 277.

⁸ Сказки зулу / Пер. И. Л. Снегирева. М.; Л., 1935. С.35.

⁹ Simon F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. T.1—2. Bruxelles, 1894—1899. T.1. P.159.

¹⁰ Плиний и другие римские авторы употребляли глагол *ridere*, который, как и греческий *γελᾶν*, может означать и «смеяться», и «улыбаться». Выбранный нами первый вариант перевода подкрепляется пехлевийскими источниками (см. ниже).

¹¹ Ср.: Aristot. De an. hist. VII, 10; Censorin. De die Nat. 11, 7; Lydus. De mens. IV, 21; Plin. N.H. VII, 3.

¹² Jackson A. V. Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. New York, 1899. P.26—27.

¹³ Le livre de Zoroastre (Zarátusht-Náma) de Bahram ben Pajdu / Publ. et trad. par F. Rosenberg. St.-Peterburg, 1904. P.9—10.

¹⁴ Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol.1: The early Period. Leiden; Köln, 1975. P.279.

¹⁵ Spiegel F. Eranische Altertumskunde. Bd 1. Leipzig, 1871. S.692; Windischmann F. Zoroastrische Studien. Berlin, 1883. S.274; Jackson A. V. Zoroaster... P.27; Clemen C. Die griechischen und lateinischen Nachrichten über die persische Religion. Giessen, 1920. S.43—45; Hinz W. Zaratustra. Stuttgart, 1961. S.39; Molé M. La légende de Zoroastre selon les textes pehlevi. Paris, 1967. P.168.

¹⁶ Ulrichs C. L. Epikritische Bemerkungen über das VII Buch des älteren Plinius // Reinisches Museum für Philologie. 1863. Bd XVIII. S.527—536; Cor-

nelissen. Pliniana (N. H. libri VII—XI) // Mnemosyne. 1877. Bd V. S.420—429; Münzer F. Beiträge zur Quellenkritik der Naturgeschichte des Plinius. Berlin, 1897; Rabenhorst M. Die Indices Auctorum und die wirklichen Quellen der Naturalis Historia des Plinius // Philologus. 1906. Bd LXV, Heft.4. S.567—603; Klotz A. Die Arbeitsweise des älteren Plinius und die Indices Auctorum // Hermes. 1907. Bd XLII, Heft 1. S.323—329.

¹⁷ Münzer F. Beiträge... S.174.

¹⁸ Dahlmann H. Marcus Terentius Varro // RE. 1935. Supplementbd. VI, col.1240.

¹⁹ См. также: Kubitschek. Kastor von Rhodos // Realencyclopädie. Stuttgart, 1919. Bd X, col.2352.

²⁰ Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. М., 1987. С.116.

²¹ Mannhardt W. Germanische Mythen. Berlin, 1858. S.303, 309, 439; Mythologische Forschungen. Strassburg, 1884. S.100—101; Reinach S. Le rire rituel // Cultes, Mythes et Religion. T.4. Paris, 1912. P.109—129; Usener H. Klagen und Lachen // Kleine Schriften. Leipzig; Berlin, 1913. Bd 4. S.469—470; Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре // Учен. зап. Лeningr. ун-та. Сер. филол. наук. 1939. Вып.3. С.151—175.

²² Mannhardt W. Germanische Mythen. S.309; Mythologische Forschungen. S.100.

²³ В Лейденском алхимическом папирусе сохранился миф о том, как Бог, засмеявшись 7 раз, сотворил 7 других божеств: Berthelot M. Introduction à l'étude de la chimie. Paris, 1889. P.19.

²⁴ Герой Вергилия — провозвестник «золотого века», в который Гелиос обретет свое царство. См.: Norden E. Die Geburt des Kindes. S.67; Машкин Н. А. Эсхатология и мессианизм... С.451; Чернышев Ю. Г. Социально-утопические идеи... С.88.

²⁵ Reinach S. Le rire rituel. P.114—115.

²⁶ Roscher W. H. Die Tassarakontaden und Tassarakontadenlehren der Griechen und anderer Völker. Leipzig, 1909. S.97.

²⁷ См. также: Wellmann M. Fragmentsammlung der griechischen Ärzte. Berlin, 1901. Bd 1. S.219.

²⁸ О Варроне как о возможном источнике двух последних стихов эклоги (Verg. Buc. IV, 62—63) пишет Дж.Паскуччи: Pascucci G. I versi finali della IV ecloga di Vergilio... Passim.

²⁹ Norden E. Die Geburt des Kindes. S.67; Carcopino J. Virgile et le mystère de la IV églogue. P.95.